

Важно найти удобный баланс интересов

Предложенные изменения в **IV часть Гражданского кодекса** вызвали неоднозначную реакцию как среди правообладателей, так и представителей библиотечного сообщества, разведя участников книжного рынка «по разные стороны баррикад». В очередной раз мы наблюдаем и обращения к Президенту, и в общественные организации, и многочисленные, подчас принципиально разные, комментарии экспертов и специалистов, влияющих на общественное мнение.

Во избежание двусмысленных толкований норм и предложенных изменений мы обратились за разъяснениями по наиболее «болезненным» для отрасли вопросам к **Виталию Калятину**, к.ю.н., участнику рабочей группы по разработке проекта изменений в IV часть ГК РФ, ведущему юристу по интеллектуальной собственности РОСНАНО.

— **Виталий Олегович, насколько ожидаема для Вас была столь бурная реакция на изменения в IV часть ГК?**

— В какой-то мере она была ожидаема, потому что мы уже прошли через разработку и принятие IV части Гражданского кодекса, посвящённой интеллектуальной собственности. Право — весьма сложный инструмент, где детали играют очень большую роль, и зачастую оценить те или иные изменения со стороны, не изучая вопрос, бывает очень непросто. И иногда получается, что заинтересованное лицо, давая оценку тому или иному проекту, может легко направить общественное мнение в нужном ему направлении.

Показательна, например, история с доменными именами. Когда принималась III часть ГК (о международном частном праве и наследовании), один коллектив написал статью, общий смысл которой был «какое безобразие, во всём мире уже есть регулирование до-

менных имён, а в III части ГК по-прежнему нет». Но как только появился проект IV части, то позиция этих людей изменилась: в новой статье они уже писали: «во всём мире доменные имена не регулируются, а в IV части ГК это предложено сделать». То есть в подобных случаях вопрос не столько в качестве законопроекта, сколько в интересах конкретного лица: привлечено ли оно к подготовке проекта, выгодна ли ему конкретная норма в данной обстановке. Вполне понятно, что каков бы ни был законопроект, всегда будут недовольные, и те, кто попытается настроить общественность под свои интересы.

Поэтому в этот раз мы попытались более осторожно подойти, заранее озвучив свою позицию и предложив её публично обсудить, но это помогло только частично. Вы знаете, ещё летом 2009 г. началось активное обсуждение — вначале на стадии концепции изменений. Так, в июле 2009 г. Объединение корпоративных юристов организовало в Торгово-промышленной палате конференцию, в которой приняли участие около 300 специалистов, имеющих отношение к Интернету, к правовому регулированию интеллектуальной собственности, к издательскому бизнесу и т.д. На конференции было озвучено, что мы хотим сделать, и предложено высказывать свои замечания и предложения. Надо отметить, что в целом Концепция развития гражданского законодательства получила поддержку общественности, отрицательных высказываний практически не было. В дальнейшем Концепция была обсуждена, одобрена Президентом и опубликована: размещена в правовой системе «КонсультантПлюс», вышла отдельной книгой в издательстве «Статус». Мы были открыты к диалогу и те, кому это было действительно интересно, и важно, давали

свои предложения по развитию законодательства. Издательств среди таких не оказалось.

— Каков порядок прохождения законопроекта? Сейчас, насколько я понимаю, он в Администрации Президента?

— В конце декабря Совет по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства рассмотрел проекты изменений в Гражданский кодекс, в том числе и касающиеся IV части, и признал проект на этом этапе готовым. Проект был передан Президенту РФ и дальше он уже определит, какова будет дальнейшая процедура работы с ним: отправить его на доработку, разослать ли по соответствующим ведомствам для получения оценки, что вероятнее всего, и т.д.

— То есть надо понимать, что предложенный вариант далеко не окончательный, его можно обсуждать и вносить изменения?

— Конечно. Более того, текст, который все видели, размещённый на сайте Высшего Арбитражного Суда, уже изменился, но не концептуально, а редакционно, до передачи проекта в Совет по кодификации мы рассмотрели и учли в проекте поступившие замечания и предложения. Изменения будут вноситься и в дальнейшем. Если вспомнить историю с принятием IV части ГК, то там много изменений было внесено на стадии рассмотрения в Государственной Думе.

— Непонимание и опасение издателей и авторов вызвало разрешение оцифровки, сканирования, открытого доступа без разрешения правообладателя в библиотеках. Возникла масса вопросов: что такое библиотека, что является помещением библиотеки, как быть с виртуальными читальными залами и удалённым доступом. Как это понималось законодателями и почему всё-таки решили это внести? Чьи интересы была предпринята попытка защитить?

— Вообще, законодательство об авторском праве — это всегда баланс интересов трёх сторон: автора, коммерческого пользователя (издателя, телекомпании и т.д., в зависимости от контента) и общества. Поэтому развитие законодательства всегда заставляет в чём-то поступиться все три стороны.

В то же время закон должен идти за развитием техники, потому что если мы в законе запретим что-то делать, но это можно будет делать фактически, и будет существовать конкретная потребность в таких действиях, то все просто не будут соблюдать закон. Так, если у всех дома появилась возможность сканировать книги, создавать электронные копии, пересылать файлы по электронной почте, выкладывать их в Интернет, а мы скажем, что это запрещено, хорошо от этого не будет никому: ни издателям, потому что все будут массово нарушать их права, ни пользователям, потому что они будут достигать своих целей лишь путём нарушения, ни авторам, потому что они вообще окажутся в стороне. И мы видим, что законодатель

учитывает это, разрешает определённые случаи свободного использования произведений. Так же и с использованием электронных копий библиотеками. Появились технологии, позволяющие облегчить доступ к информации, к культурному наследию человечества. Нельзя остановить прогресс, нельзя и игнорировать его, считая, что все новые формы использования произведений лежат вне закона. Нужно искать какой-то баланс, позволяющий обществу получить отдачу от использования новых технологий, но в то же время обеспечив защиту интересов авторов и издателей. Встречи с представителями издателей показали, что в целом они осознают — простой запрет создания и использования электронных копий произведений будет неэффективен (это показывает и зарубежный опыт), но вопрос в том, как конкретно это будет регулироваться в законе. Мне кажется, в нашем проекте избран очень осторожный вариант, максимально учитывающий интересы авторов и издателей.

— Но за рубежом всё-таки действует право добросовестного использования.

— У нас тоже есть аналог — использование в личных целях. Важно заметить, что для издателей добросовестное использование более опасно. Это значит, в принципе, что подобное использование разрешено, но с ограничениями. Для издателей же более выгодно утвердить конкретный порядок того, как именно должна быть реализована такая возможность, а не просто отсылать к добросовестности, которая у наших пользователей не всегда присутствует.

— На сегодняшний день библиотека может создавать электронную копию произведения? Как и в каком объёме?

— Уже давно в Законе «Об авторском праве и смежных правах» было написано, и в IV часть ГК это тоже перешло, что библиотека может использовать произведение в электронном виде. Можно предположить, что это подразумевает и возможность создания соответствующей электронной копии. Особо серьёзных конфликтов в связи с этой нормой не было, но неясность, которую можно толковать по-разному, была налицо. В результате было решено чётко реализовать хотя бы минимальный вариант, когда библиотека может создавать электронную копию для внутреннего использования из принадлежащих ей книг в единичных экземплярах.

Одно из возражений против избранного варианта заключалось в том, что любой человек получит право создавать электронные копии для своей библиотеки. Но в данном случае мы говорим не о любой, а только об общедоступной библиотеке, понятие которой даётся в Федеральном законе «О библиотечном деле». Поэтому сюда не будут подпадать ни домашние, ни корпоративные библиотеки. Что касается единичных копий, то здесь намеренно не указывается конкретное число копий, так как для крупной библиотеки их может по- ▶

надобиться три-четыре экземпляра, а для маленькой достаточно и одного. При этом библиотеки не могут преследовать цели извлечения прибыли. И что очень важно — копии могут предоставляться читателям для использования только в помещении библиотеки.

— **Вот как раз по поводу помещений. Ведь основная проблема библиотек — в том, что у них в сотни, тысячи раз приходит больше онлайн-пользователей, чем обычных читателей. Как с этим быть?**

— Понятие помещения — это всё же вопрос не законодательства об интеллектуальной собственности, но в любом случае, полагаю, что помещение библиотеки — это конкретный объект недвижимости, а не «виртуальный зал».

— **То есть онлайн-пользователям доступ запрещён?**

— Точнее сказать, что такое действие требует согласия правообладателя или должно подпадать под конкретный случай разрешённого использования. Если доступ к электронной копии предоставляется «внутри стен» библиотеки — это можно делать без согласия правообладателя. А при наличии согласия правообладателя доступ можно давать читателям как угодно.

— **А читатель с этой копией может уйти?**

— Нет, и прямо написано, что ему не должна даваться возможность копирования: «при условии исключения возможности дальнейшего создания электронных копий произведения». Некоторые критики проекта считают, что это открывает дополнительные возможности для злоупотреблений. Но злоупотребления возможны при использовании любой нормы. В данном случае злоупотребление может заключаться в том, что библиотекарь скопировал книгу, а потом дал эту копию кому-то ещё. Но если бы этой нормы не было, техническая возможность лёгкого копирования всё равно существовала бы, о расширении возможностей злоупотреблений говорить не приходится. Когда книги существовали только в бумажном виде, копирование было связано с определёнными техническими сложностями. Но сейчас, когда создание цифровой копии занимает буквально секунды и не требует серьёзных усилий, гораздо важнее определить правовые рамки осуществления таких действий, а не упорно запрещать их.

— **А как быть с виртуальными читальными залами?**

— Как мы уже сказали, использование может быть только в помещении библиотеки. Если копия произведения находится в филиале библиотеки, например, в другом городе, то это тоже «помещение библиотеки». Читатель может пользоваться такой копией в этом помещении. Но если речь идёт о «виртуальном зале» в том смысле, что это просто какой-то электронный ресурс, доступный по сети, то говорить о помещении

библиотеки уже нельзя. Данный вопрос можно уточнить, дав определение «помещения библиотеки» или «виртуального зала», но это нужно делать не в Гражданском кодексе, а, например, в Законе «О библиотечном деле».

— **Серьёзную озабоченность правообладателей и общественности вызывал «межбиблиотечный обмен», впоследствии его исключили.**

— На мой взгляд, межбиблиотечный обмен — это очень важный элемент поддержки регионов в том, чтобы они имели доступ к общему достоянию культуры. Но очевидно, что предоставление в рамках такого обмена электронных копий произведений потенциально действительно создаёт серьёзные угрозы для правообладателя. По этой причине ввиду своей конфликтности пункт об «электронном» межбиблиотечном обмене и был исключён из проекта. Потенциально такая возможность могла бы существовать в законодательстве, что дало бы ряд больших преимуществ — в частности, возможность жителям отдалённых районов оперативно получить доступ к соответствующим книгам без угрозы их утраты. Но в этом случае требовалось, чтобы Закон «О библиотечном деле» чётко определил понятие межбиблиотечного обмена и процедуру его осуществления — количество копий, дней использования, порядок уничтожения электронных копий библиотеками и т.д. Но, видимо, на данном этапе это оказалось преждевременным.

Пока же ссылка на межбиблиотечный обмен осталась в первом абзаце статьи 1275, где речь идёт о том, что библиотека может предоставлять оригиналы или экземпляры произведений, в т.ч. в порядке межбиблиотечного обмена. Это означает, что библиотека может предоставить другой библиотеке во временное пользование бумажную книгу или электронную, если она записана на диске, с тем чтобы её потом вернули назад. Но нельзя создать специально для этого электронную копию, она уже должна существовать в библиотеке. Нельзя и пересылать электронную копию по Интернету. Но важно остановиться и на случаях, когда можно создавать электронные копии произведений. Когда мы говорим о возражениях общественности, можно вспомнить недавнее письмо, которое было подписано известными авторами. На мой взгляд, вряд ли эти авторы глубоко разобрались в предлагаемой норме. Скорее она была воспринята так: теперь можно копировать и создавать электронные копии книг без их согласия. Когда год назад А.И. Вислый инициировал разбирательство по поводу похожего письма на тему электронных библиотек, некоторые авторы признали, что не разобрались в ситуации. Но и сейчас наблюдается аналогичное положение дел.

Кстати, интересно заметить, что те, кто подписал это письмо, почти не подпадают под предлагаемые случаи разрешённого создания библиотеками единичных электронных копий. Каких книг это касается? В проекте написано: ветхие, изношенные, испорченные,

дефектные экземпляры. Т.е., чтобы читатели имели возможность нормально пользоваться имеющейся у библиотеки старой книгой, библиотека делает её электронную копию. Аналогичная норма в отношении бумажных копий была в Законе «Об авторском праве и смежных правах» и ранее, и издатели давно на неё согласились. И за рубежом всюду такая норма тоже есть. Далее читаем в проекте — единичные и редкие экземпляры произведений и рукописи — во избежание их утраты, этот случай понятен. Далее — экземпляры, записанные на машиночитаемых носителях, для использования которых отсутствуют необходимые средства. Здесь проблема действительно есть. Меняются технические средства, программы, форматы. Многие старые форматы перестают поддерживаться новыми средствами, что означает невозможность использования принадлежащих библиотеке книг. Библиотеки вынуждены закупать продукт ещё раз в новом формате. И хорошо, если издательство есть. А если его нет, или утрачены архивы? Поэтому и появилась эта норма, ведь в этом случае библиотека даже не увеличивает количество экземпляров, находящихся в использовании. Просто экземпляр в старом формате заменяется на современный. И, наконец, это книги, имеющие научное и образовательное значение.

Как мы видим, авторы, подписавшие указанное письмо, под эти условия почти не подпадают.

— Ну, а как быть с теми, кто пишет научные и образовательные книги?

— Достижение баланса интересов означает, что всегда нужно чем-то поступиться. В чём заключается ограничение прав правообладателя в данном случае? В том, что библиотека, вместо того чтобы покупать два учебника для читального зала, покупает один. Но касается это только читального зала, т.к. речь идёт об использовании только в помещении библиотеки. В любом случае, для читального зала закупаются один-два экземпляра книг. А на количество книг, закупаемых для абонемента, это никак не повлияет.

Вообще, для издателей самый простой путь решения этих проблем — просто напрямую заключать договоры с крупными пользователями — университетами, потому что в договоре можно определить порядок использования электронных копий.

— По диссертациям и авторефератам тоже было немало вопросов...

— В этой части в проекте были сделаны небольшие изменения, но не по сути, а редакционные, для того, чтобы всех успокоить. В проекте была фраза, которую могли неправильно понять. Тут написано «экземпляр, полученный библиотекой в соответствии с Федераль-

ным законом «Об обязательном экземпляре документов». Создать электронную копию диссертации может только та библиотека, которая официально получает экземпляр диссертации в соответствии с указанным законом. Но все поняли так, что любая библиотека может скопировать любую диссертацию. Это исправлено. Что касается авторефератов, то проект разрешает копировать их любой библиотеке. Но автореферат, в принципе, и предназначен для того, чтобы оповестить и проанонсировать работу, поэтому тут у диссертанта не должно быть оснований для возражений.

« Библиотека может предоставить другой библиотеке во временное пользование бумажную книгу или электронную, если она записана на диске, с тем чтобы её потом вернули назад. Но нельзя создать специально для этого электронную копию, она уже должна существовать в библиотеке. Нельзя и пересылать электронную копию по Интернету »

— Каким видится законодателям развитие рынка научных журналов, существующих в большей степени за счёт подписки? Приведёт ли предоставление возможности оцифровки статей к их неконтролируемому распространению, что однозначно отразится на тиражах и сократит подписку?

— Если вам нужна одна конкретная статья, журнал, скорее всего, вы ради неё покупать не будете. По ранее действовавшему закону вы могли пойти в библиотеку и получить бумажную копию статьи, либо, если правообладатель предоставлял такую возможность, заплатив ему определённую сумму, скачать эту статью с его сайта. По предлагаемому же проекту студенты и преподаватели могут в учебном учреждении бесплатно получить электронную копию статьи для аудиторных занятий и подготовки к ним. Конечно, если кто-то действительно скачивал за деньги отдельные статьи, то в этом отношении сокращение доходов журнала может произойти. Однако представляется, что таких случаев было ничтожно мало, на объёмы подписки же эти изменения в ГК не повлияют. Если мне нужен весь журнал, да ещё регулярно, а разрешили скачать только одну статью, то я, конечно, подпишусь на такой журнал.

Кроме того, есть и такой момент, как моральное обоснование запрета. Если мы говорим, что вообще всё запрещено, то человек воспринимает это как очевидную несправедливость, возможно глупость, поэтому закон начинает не соблюдаться. А если ему говорится: это можно делать, а вот это нельзя, то человека гораздо легче убедить соблюдать запрет. ►

— **К вопросу о провайдерах и ответственности. Не слишком ли явно лоббируются интересы одной стороны?**

— Очевидно, что правообладатели хотели бы установить возможно жёсткую ответственность за материалы, размещённые на соответствующих ресурсах, а провайдеры — полностью освободиться от ответственности за действия своих клиентов. Мне кажется, что в проекте удалось закрепить наиболее удачный компромиссный вариант. Не говорить вообще о провайдерах будет неправильно, потому что проблема ответственности за действия в информационно-телекоммуникационных сетях не просто назрела — без её решения невозможно разрешить и любые иные вопросы, связанные с использованием результатов интеллектуальной деятельности в таких сетях. Не будет преувеличением сказать, что разрешение этой проблемы является необходимым условием для построения правового регулирования современного сетевого взаимодействия в целом.

Да и во всём мире правовое регулирование деятельности провайдеров появилось уже давно. Началось всё с США, где появился DMCA (Digital Millennium Copyright Act) 1998 г., в котором это впервые прозвучало. Вслед за этим была директива ЕС 2000 г., были приняты законы в отдельных странах. Вторая волна законов об ответственности провайдеров прошла в 2009—2010 гг., эти законы стали несколько более строги по отношению к провайдеру и предусмотрели определённые формы ответственности для пользователя Интернета. Говоря о правовой модели ответственности провайдера, нужно иметь в виду несколько моментов. Во-первых, провайдер физически не может отслеживать всё, что у него есть. Во-вторых, на государство нельзя возлагать бремя поиска нарушителей прав правообладателей, это должна быть забота правообладателей, но и провайдер должен предпринимать меры, чтобы снизить вероятность нарушения или, по крайней мере, стараться минимизировать вред правообладателю, если такое нарушение всё же произошло без его вины. В-третьих, применительно к провайдерам нужно различать несколько их видов.

Первый — это провайдер, функция которого заключается в передаче информации. И здесь больших споров нет: этот провайдер отвечать не должен. Но у нас в проекте предусмотрено, что он отвечает, если вмешивается в этот процесс, например, изменяет передаваемый объект, а также в том случае, если он знает, что данный объект размещён или используется с нарушением прав правообладателя. Второй обобщённый тип — это провайдер, осуществляющий поддержание ресурса в Интернете. Общая модель, которой следует зарубежное законодательство, заключается в том, что провайдер не обязан следить за тем, что у него находится на ресурсе, иначе такая обязанность станет серьёзным препятствием для развития Интернета. С другой стороны, он должен оперативно реагировать на поступающие претензии

и вводится специальная процедура взаимодействия заявителя с провайдером. И здесь возникает сложный и интересный вопрос: как обеспечить защиту интересов клиента провайдера против необоснованных претензий третьего лица. В принципе, провайдер не должен оценивать правомерность размещения материала, это означало бы, что он берёт на себя функции суда. В американском законе определяется, какие документы должно представить и какие заявления должно сделать лицо, направляющее жалобу провайдеру, и содержатся нормы, обеспечивающие возможность клиенту и провайдеру получить возмещение убытков в случае предъявления необоснованного требования.

Французский закон 2009 г. пошёл ещё дальше — был создан специальный административный орган HADOPI, на который были возложены особые функции по контролю за нарушениями в сфере Интернета. Была введена своеобразная ответственность пользователя Интернета (которой не было в американской модели) — для начала он предупреждается о пользовании ресурсом, нарушающим закон, а заканчивается всё отключением лица от Интернета на определённый срок, причём такой пользователь попадает в специальный список, который рассылается всем французским провайдерам. Схожая ответственность для пользователей Интернета была введена в прошлом году и в Великобритании.

— **А тот, кто размещает эту информацию?**

— О нём информация может поступить как из того же административного органа, так и от правообладателя, а окончательное решение в споре принимает суд.

— **Из чего исходили Вы, предлагая эту норму?**

— Нормы об ответственности провайдера в наших условиях будут эффективно работать только при определении достаточно подробной процедуры взаимодействия провайдера с заявителем: указания списка документов, которые должны быть представлены, сроков рассмотрения претензии провайдером и его клиентом и т.д., что сократит, с одной стороны, количество необоснованных требований, а с другой — количество недобросовестных действий провайдера. На уровне ГК устанавливать такую подробную процедуру неправильно. Более того, там есть вопросы, которые выходят за пределы гражданского права в принципе. Например, должны быть решены вопросы раскрытия персональных данных клиента заявителю — как известно, такие случаи подпадают под действие закона «О персональных данных», а не Гражданского кодекса, скорректированы процессуальные нормы, относящиеся к рассмотрению соответствующих споров, обеспечению иска и т.д. Изменений в Гражданский кодекс тут недостаточно. Поэтому мы пошли по пути установления на уровне ГК общих принципов, с тем что детали процедуры будут конкретизированы в отдельном законе.

В этой статье произошли и определённые редакционные изменения по сравнению с ранее обнародованным текстом. Было два пункта, сейчас появился третий, устанавливающий общий принцип — провайдер отвечает за то, что у него есть на ресурсе. А дальше уже следуют основания освобождения от ответственности. Но в полной мере воспользоваться ими провайдер сможет только после принятия уже упомянутого закона.

— Получается, что сейчас в интересах провайдеров ускорить принятие этого закона.

— Я думаю, все сейчас заинтересованы в том, чтобы его принять. Крупным провайдерам не нужны скандалы по поводу неправомерно размещённых на их ресурсах материалов. А правообладатели в целом готовы к тому, что будет какая-то специальная процедура предъявления претензий, но понятная и прозрачная для них.

— Как будет определяться на законодательном уровне порядок передачи свободных лицензий? Как будет определяться правообладатель, делающий такие заявления?

— О том, что у нас нет такого института, говорили давно. Авторы IV части ГК упрекали пользователи Интернета — университеты, библиотеки, правообладатели, связанные с образовательной деятельностью, и т.д. Претензии заключались в том, что они не могут предоставить обществу своё произведение. Теоретически у нас они могут отказаться от авторского права (хотя процедура отказа также прямо не урегулирована, не определено, как это делать), но обычно авторы не готовы пойти на то, чтобы полностью лишиться права. Они хотят разрешить использование обществу в каких-то рамках, на каких-то условиях. Нам всё время указывалось на то, что в США и в Европе большое распространение получили специальные механизмы — свободные лицензии, моделей которых существует достаточно много (например, Creative Commons). Проблема заключалась в том, что такие модели не сочетаются с нашим законодательством. Если их встраивать в Кодекс, потребуется серьёзная перестройка всего законодательства. Я предложил вариант особой сделки — когда не заключается договор с каждым пользователем в отдельности, а, по сути, ограничивается право, причём правообладатель сам определяет срок и условия таких ограничений. Правообладатель делает это, если хочет, поэтому я не вижу, чем это может быть для него опасным. Основной источник опасений правообладателей, как показали встречи с ними, заключается в том, что им непонятна сама процедура. Поэтому было предложено скорректировать эту статью проекта. Было сделано несколько технических, но довольно важных изменений. Например, указанное заявление можно делать только при отсутствии заключённых лицензионных договоров — чтобы не пострадали интересы лицензиатов. В проекте была определена и форма заявления, было предложено делать такое заявление на официальном сайте одного из государственных органов, например

Роспатента. Поскольку в этом случае можно будет установить лицо, которое сделает такое заявление, его будет легко привлечь к ответственности в случае недобросовестных действий.

— А если авторов несколько? Должно быть согласие всех авторов?

— Да, если авторы сохраняют исключительные права на произведение, это предусмотрено в ст. 1229 Гражданского кодекса. Там говорится, что распоряжение исключительными правами осуществляется всеми правообладателями совместно. Было ещё одно возражение. Есть объекты, которые могут быть зарегистрированы, например программы для ЭВМ. Если делать заявление на сайте Роспатента, эта проблема легко снимается, потому что регистрацию тоже ведёт Роспатент. Соответственно, если Роспатент получает такое заявление, он легко сможет внести информацию о сделанном заявлении в свой реестр.

— Каково Ваше мнение относительно вступления в ВТО? По оценкам экспертов требования к соблюдению авторских прав усиливаются? Как насчёт нашего соответствия?

— В принципе, IV часть ГК РФ полностью соответствует международным обязательствам Российской Федерации. В ходе переговоров о вступлении России в ВТО в последние годы были рассмотрены все претензии, которые другие страны делали по поводу IV части ГК. И практически все претензии были сняты, причём в большинстве случаев либо потому, что аналогичные нормы имелись в законодательстве этих стран, либо в законодательстве иных членов ВТО, к которым претензий по поводу этих норм никогда не высказывалось. Оставшиеся замечания были устранены в результате тех небольших изменений в IV часть ГК, которые были осуществлены в конце 2010 года. Теперь каких-либо претензий у других стран по поводу несоответствия нашего законодательства об интеллектуальной собственности международным обязательствам Российской Федерации не осталось. Что же касается предлагаемых поправок, они также соответствуют международным обязательствам России, более того, ряд предлагаемых норм прямо вытекает из международных документов, говорящих, например, о доступе общества к достижениям культуры, об ответственности провайдера и т.д.

В завершение разговора хотелось бы сказать, что рабочая группа не пыталась лоббировать интерес какой-то одной стороны. Было желание найти удобный баланс интересов, позволяющий использовать результаты интеллектуальной деятельности в современном информационном обществе с учётом интересов всех сторон — и авторов, и общества, и, конечно, издателей и иных правообладателей. Документ редактируется, исправляется, вносятся изменения. Наша рабочая группа готова к дискуссии и диалогу. ■

Беседа велa Елена Бейлина